

Наследница симбирского рода

Обитатели богатого дома

Дом Пустынникова (по прозвищу хозяина – Ивана Семеновича Мясникова) некогда был единственным кирпичным сооружением во всем Симбирске и стоял там, где сейчас находится основной корпус Суворовского училища. Посетившая город летом 1767 года Екатерина II остановилась в этом – единственно приличном – особняке, где к тому времени успели на выданье четыре дочери. По семейному преданию, государыня сама сосватала богатых невест за своих придворных – Пашкова, Бекетова, Дурасова и Козицкого.

Так пошел множиться род Мясниковых-Твердышевых, обрастая фамилиями, прославившими Россию.

Прежде чем рассказывать о судьбе одной из наследниц, вспомним родоначальника – Ивана Борисовича Твердышева. О нем писал Пушкин в примечании к третьей главе «Истории Пугачева»: «Овзяно-Петровский завод принадлежал купцу Твердышеву, человеку предприимчивому и смысленному. Твердышев нажил свое огромное имение в течение семи лет. Потомки его наследников суть доньяне одни из богатейших людей в России». Пушкин редко высказывался о российских предпринимателях, но он знал многих потомков Твердышева. С ними поэта связывали дружеские узы или творческое сотрудничество, некоторые даже фигурировали в его произведениях.

«Симбирский купец Иван Борисович Твердышев со своими братьями Яковом и Петром и компаньоном симбирским же купцом их шурином Иваном Семеновичем Мясниковым... занялись горнозаводским делом на Южном Урале в 1743 году. Они... первыми создали в Оренбургском крае крупное медеплавильное и железоделательное производство, разведали руды и построили рудники... За заслуги перед государством по указанию императрицы Елизаветы в 1758 году И.Б. Твердышеву и И.С. Мясникову были пожалованы чины коллежских асессоров, что дало им потомственное дворянство, а Я.Б. Твердышеву присвоено звание директора заводов», – пишет самарский профессор А.И. Носков (Самарский земский сборник. 2000. № 1).

Ни один из братьев Твердышевых не оставил потомства (единственная дочь Якова умерла юной, у Ивана детей не было, а Петр никогда не был женат), так что род Твердышевых вскоре после получения дворянства пресекается по мужской линии (вот почему эта фамилия ныне почти забыта). Но их сестра Татьяна, выданная замуж за компаньона И.С. Мясникова, родила четверых дочерей, которые стали единственными наследницами огромного состояния братьев Твердышевых.

Девочки выросли в доме, который упоминал и Пушкин в дорожной записной книжке 1833 года: «Панин. Дом Пустынникова». Короткая памятка сделана потому, что в 1774 году

Евдокия Сушкова-Ростопчина

в особняке имел свою резиденцию граф П.И. Панин, командовавший карательными войсками, действовавшими против Емельяна Пугачева. Во двор дома был доставлен пленный Пугачев, здесь Панин устроил ему публичный допрос, на котором Пугачев произнес известную фразу: «Я не ворон, а вороненок, а ворон-то еще летает!»

Дом Пустынникова в Симбирске – первый в ряду других дворцов, позже принадлежащих по всей России потомкам Мясниковых-Твердышевых. Среди них – особняк Екатерины Козицкой (Елисеевский гастроном), дом Пашковых на Моховой улице (одно из зданий Московского государственного университета), дом князей Белосельских-Белозерских на Тверской, дом Дурасовых на Покровском бульваре; в Петербурге – дома Белосельских-Белозерских у Аничкова моста, дворец графа Лавала на Английской набережной; усадебный дом Дурасовых в подмосковном Люблине и множество других особняков.

Дочь И.С. Мясникова и Т.Б. Твердышевой Екатерину императрица сосватала за статс-секретаря Григория Козицкого, облагодетельствовав тем самым своего любимца, который получил в приданое медные заводы, села и множество симбирских крестьян. Потомки Екатерины Козицкой хорошо известны: Анна Белосельская-Белозерская, ее падчерица Зинаида Волконская, Екатерина Трубецкая, Александра Лаваль (см. «Мономах» № 1-1997, № 1-2001). Мы же остановимся на женской судьбе по линии другой их дочери – Дарьи, которая была выдана замуж за Александра Ильича Пашкова. Речь пойдет об их правнучке – графине Евдокии Сушковой (в замужестве Ростопчиной), о первой русской поэтессе.

Симбирский дом Мясникова. Фрагмент гравюры XVIII века

«Счастливая женщина»

– скажет о себе самой Евдокия Сушков-ва-Ростопчина в одноименном романе. Только была ли она счастлива?..

Родилась она 23 декабря 1811 года в Москве, у Чистых прудов, в старинном доме, построенном в итальянском стиле Растрелли и принадлежавшем деду – Ивану Александровичу Пашкову (сын Дарьи Мясникова и Александра Ильича Пашкова). Здесь жила многочисленная семья, в том числе и родители Евдокии – Петр Васильевич Сушков и Дарья Ивановна Пашкова. Во время нашествия французов все семейство, а с ним и новорожденная Евдокия, переехало в симбирское имение Пашковых – деревню Тальзино.

Наш желчный земляк М.А. Дмитриев (племянник баснописца И.И. Дмитриева), нелюбимый писал о своих родственниках, потомках Твердышева: «Николай Алексеевич Дурасов, Иван Александрович Пашков и Степан Егорович Мельгунов были нестерпимо глупы; последние двое хотя бы без претензий...». Но исследователи утверждают, что И.А. Пашков был образованным и одаренным человеком. Евдокия, рано оставшись без матери, получила в семье деда блестящее воспитание и образование. В ее домашних учителях состояли известный литератор С.И. Раич, языковед Гаврилов, знаменитый в Москве учитель танцев Иогель. С ранних лет она пользовалась богатой библиотекой Пашковых, читала Карамзина, Жуковского, Шекспира, Мольера.

Под влиянием прочитанных романов маленькая Додо (так в семейном кругу называли девочку), вдохновлялась героическими образами и поступками. На декабрьские события 1825 года она отреагировала стихотворением «Мечта», а летом 1826 года, узнав о трагической судьбе участников восстания, написала пламенное обращение к декабристам – «К страдальцам-изгнанникам».

Евдокии приходилось скрывать от друзей и родных свои сочинения, но когда Петр Вяземский опубликовал ее «Талисман», поставив подпись «Д. С-ва», имя сочинительницы было раскрыто, и дома разразился скандал. Бабушка требовала поклясться, что впредь внучка стихов писать не станет, дабы не позорить род, но дать такое слово Евдокия наотрез отказалась.

В преклонные годы она напишет о днях своей юности: «Да, тогда влучивали наизусть Расина, Жуковского, Мильвуа и Батюшкова. Тогдашние женщины – не нынешним чета! ...то поколение мечтательниц дало нам Татьяну Пушкина, милый, благородный, прелестный тип девушки тогдашнего

времени». Более зримо представить этот «милый, благородный, прелестный тип» нам поможет князь А.В. Мещерский, оставивший словесный портрет юной Евдокии: «Она была очень жива и остроумна. Ее разговор напоминал настоящий фейерверк. Я помню, что при нашем первом знакомстве я был ослеплен и очарован ее блестящим умом, сверкавшим как неиссякаемый источник. Блеск ее ума мог только поспорить с блеском ее глаз, с задумчивым и глубоким взором, который оживлялся внезапно, когда она желала нравиться. Она была среднего роста, черты ее лица были тонки, как у камня, цвет кожи матовый, глаза черные и большие, осененные черными ресницами».

Когда в Москву приехал молодой граф Ростопчин, единственный сын бывшего в наполеоновские времена генерал-губернатора Москвы, все матери невест засуетились: наследник с громким именем владел огромным состоянием. Но Андрей Федорович быстро оказался в числе поклонников м-ль Додо. В 1833 году Евдокия Петровна вышла за него замуж. Гордясь новым родством, Пашковы и не предполагали, что внучка вышла замуж не по любви (ее тайная любовь была несчастливой). Скоро выяснилось, что супруг Евдокии психически неустойчив, очень резок и вспыльчив. Молодая графиня полностью посвятила себя литературе, в творчестве находя отдушину для сердца и ума. В ее салон все чаще заглядывали известные литераторы: Жуковский, Пушкин, Плетнев, Тургенев, Григорович, Дружинин, Гоголь.

Перед гением Пушкина

Поэтесса благоговела перед именем Пушкина. Они познакомились на балу у московского губернатора Д.В. Голицына. Брат Евдокии С. Сушков писал: «Пушкин так заинтересовался пылкими и восторженными излияниями юной собеседницы, что провел с нею большую часть вечера и после того тотчас познакомился с семейством Пашковых». В автобиографических стихах 1827 года Додо писала:

*Он, наш поэт, он, наша слава,
Любимец обций!.. Величавый
В своей особе небольшой,
Но смелый, ловкий и живой,
Прошел он быстро предо мной...
И глубоко в воображенье
Напечатлелось выраженье
Его высокого чела.*

Александр Сергеевич Пушкин оценил дарование Ростопчиной. Он стал часто бывать в доме на Чистых прудах. Вскоре после свадьбы он познакомил супругу с Евдокией. 1 марта 1831 года, на масленицу, они втроем

приняли участие в гулянии и катании на санках.

Пушкин зачастил в литературный салон м-ль Додо, да и Наталья Николаевна подружилась с поэтессой. Эта дружба, по-видимому, нелегко далась Евдокии, которая сама не была равнодушна к Пушкину. Стихотворение «Отринутому поэту», написанное в 1832 году, свидетельствует о сложном отношении Евдокии к Наталье Николаевне: поэтесса предугадала трагическую кончину своего кумира.

В 1837 году в «Современнике» (№№ 5 и 7) появились стихотворения Ростопчиной, написанные в воронежском имении: «Эльбрус и я», «Месь». Эти публикации Пушкин готовил незадолго до смерти. Не случайно Евдокия Петровна написала в посвящении к своей драме «Дочь Дон-Жуана»:

*... О, не забуду я,
Что Пушкина улыбкой
вдохновенной
Был награжден мой
простодушный стих...*

Уже после смерти поэта она получила от Жуковского необыкновенный подарок – последнюю черновую тетрадь Пушкина, в которую он ничего не успел записать. Василий Андреевич напутствовал Ростопчину «дokonчить книгу». Ответом было опубликованное в «Современнике» стихотворение, посвященное памяти поэта:

*Смотрю с волнением, с тоскою
умиленной
На книгу-сироту, на белые листы,
Куда усопший наш рукою
вдохновенной
Сбирался вписывать и песни
и мечты...*

Как ни странно, роковая развязка не развела, а еще более сблизила Евдокию с вдовой поэта. Женщины встречались и у друзей, и дома, вместе ездили на отдых в Ревель. В 1840 году Ростопчина посвятила Наталье Николаевне стихотворение «Арабское предание о розе», где передаст всю глубину пережитых вдовой страданий.

На литературном Олимпе

Критики причисляли Ростопчину к пушкинскому кругу поэтов, и она очень гордилась литературной плеядой, стоявшей у истоков ее творчества. «Я... жила в короткости Пушкина, Крылова, Жуковского, Тургенева, Баратынского, Карамзина...», - писала она за год до своей смерти.

В 1838 году в «Сыне Отечества» были напечатаны две повести Ростопчиной под общим названием «Очерки большого света. Записки Ясновидящей». Через два года вышло в одном томе первое издание ее сочинений: «Стихотворения Графини Е.П. Ростопчиной».

Журналы встретили ее громкими похвалами. Греч и Полевой хвалили автора в «Русском Вестнике», Булгарин – в «Северной пчеле», в «Сыне Отечества» Никитенко писал, что «сфера ее идей принадлежит современному поколению», Шевырев расточал похвалы в «Москвитянине». Похвалил книгу и Белинский, но назвал поэзию салонной, бальной. Бал же был для Додо лишь той плоскостью существования, в которой можно спрятаться от реальной действительности.

«Поэт в кисейном платье и венке на бале – явление смешное для гордых, светских дам, для модных львиц», – признавалась поэтесса. Ей предстояло пережить предательство друзей, злые нападки критиков, равнодушное молчание публики, но ни при каких обстоятельствах не теряла она присутствия духа.

В 1845 году супруги предприняли длительное путешествие за границу. С мужем и детьми Евдокия посетила Италию, Францию, Германию. Вернувшись через три года в Петербург, она подверглась немилости государя. Ее вычеркнули из списка лиц, допущенных ко двору. До этого она получала приглашения на все придворные балы в Аничковом дворце и бывала в дружеском кружке императрицы. Какова же причина этой опалы?

По совету Гоголя

Поводом для отлучения Ростопчиной от двора послужили стихи, написанные в Риме. Сюжет же сложился еще в дороге. Дочь писательницы Лидия вспоминала: «Курьер, который нас сопровождал, был человек грубый и жестокий, немец по происхождению, он ненавидел поляков. Он, не стесняясь, бил несчастных кучеров, если они не гнали лошадей по его приказанию. Мой отец оставался равнодушным, но мать глубоко страдала так же, как и я. Его грубость, безответность этих бедняков, несчастный вид крестьян, бедность их жилища – все пробуждало в душе моей матери жалость и негодование». В Риме Евдокия Петровна вылила в рифмы те чувства, которые тревожили ее в дороге. Получилась баллада под названием «Насильственный брак».

Вскоре в Рим приехал Гоголь. Узнав, что Ростопчины здесь, он сразу же посетил графиню. Разговор зашел о творчестве, и писатель поинтересовался, нет ли у хозяйки «чего-нибудь новенького». Ростопчина обрадовалась вопросу литературного кумира и предложила послушать «Насильственный брак», не объясняя подоплеку баллады. Гоголь попросил ее прочесть еще раз, а после, подумав, неожиданно предложил:

- А знаете? Пошлите в Петербург: ведь не поймут и напечатают. Чем хотите, ручаюсь!

- Как не понять? Помилуйте, ребенок поймет, – усомнилась Евдокия, но Гоголь настаивал.

Ростопчина послала балладу Булгарину, и «Насильственный брак» появился на страницах «Северной Пчелы» без имени автора. Никто поначалу не увидел здесь ни «тени Наполеона», ни намека на отношения угнетенной Польши к России. Правда, всякий раз при чтении баллады в том или ином салоне кто-нибудь да задумывался: «здесь что-то есть», но одинокий голос затухал, и вскоре о балладе «забыли».

Разъяснение стихотворения появилось во французской газете. Все бросились перечитывать балладу, начался шум. Полиция попыталась уничтожить № 284 «Северной пчелы», но стихотворение уже гуляло по Петербургу в многочисленных списках. Имя автора получило огласку и литературную славу, точнее – славу крамольной поэтессы. В Петербурге ей отказали от двора, в Москве же произошло следующее.

Во время пребывания императорской четы в Москве она обратилась к генерал-губернатору Арсению Закревскому с вопросом о представлении ко двору вместе с другими дамами из аристократии. Когда список был представлен Николаю Павловичу, государь с такой яростью вычеркнул ее имя, что разорвал бумагу. Закревский не рассказал Евдокии Петровне о случившемся, и она отправилась на бал.

«На ней было муаровое платье соломленного цвета, покрытое испанскими кружевами, с гирляндой фиалок на подоле, – вспоминала дочь Лидия. – Черты ее лица, тонкие как у камня, оттенялись прической с кокошником, украшенным алмазами и опалами. Она сияла красотой, и мы восхищались ею».

Ростопчина вернулась очень скоро: церемониймейстер князь Долгорукий, указав на список приглашенных персон, проводил ее назад до кареты. Это была катастрофа: никогда еще княгиня не была так унижена и растоптана. Позже она узнала, что изгнание ее с придворного церемониала было воспринято как оскорбление для всего общества. Графиня Лидия Нессельроде, дочь графа Закревского (героиня знаменитого романа Дюма-сына «Дама с камелиями») заявила, что государь, выключив из списка графиню Ростопчину, оскорбил всех московских дам, и они готовы удалиться. Правда, никто не удалился, и царский прием прошел успешно.

В память о Лермонтове
Острый ум, сильный характер и

поэтическое дарование привлекали к Ростопчиной многих замечательных людей ее времени. Она умела дружить без оглядки, поддержать в трудную минуту, дать дельный совет. Дружбой с ней дорожили Жуковский и Вяземский, Гоголь и Огарев, Тютчев и Островский. Проникновенные и доверительные отношения сложились у Евдокии и с преемником гения русской поэзии – Михаилом Лермонтовым.

Поэтесса как никто другой поняла своеобразие личности Лермонтова. Их поэзию роднила общность духовного склада. Перед последним прощанием они обменялись поэтическими посланиями: Ростопчина написала стихотворение «На дорогу», а Лермонтов – посвящение «Графине Ростопчиной»: «Я верю, под одной звездой Мы с вами были рождены...». Вскоре в Петербург пришло скорбное известие о гибели поэта. Евдокия тяжело переживала случившееся, в новом стихотворении она обратилась к трагической участи русских поэтов: «Поэты русские свершают жребий свой, Не кончат песни лебединой».

О своих взаимоотношениях с Лермонтовым Евдокия рассказала в воспоминаниях, написанных по просьбе Александра Дюма. Знаменитый французский писатель, некогда побывавший в доме Ростопчиной, состоял с ней в переписке. Заинтересовавшись трагической судьбой поэта, он попросил ее описать Лермонтова.

Портрет получился своеобразный: противоречивый, но живой. Это были последние ее записки. Ростопчина писала, будучи смертельно больной. Посылая Дюма свои воспоминания, она сообщала: «Вот, любезный Дюма, обещанные заметки... Вообразите себе, что я еще больше разболелась, так слаба, что почти не покидаю постели, и так поглупела, что едва себя узнаю. Однако не сомневайтесь ни в одной из подробностей, мною вам сообщаемых; они продиктованы мне памятью сердца». Когда Дюма читал эти строки, Евдокии уже не было в живых.

Вот отрывки из этих воспоминаний: «Не признавая возможности нравиться, он решил соблазнять или пугать и драпироваться в байронизм, который был тогда в моде. Дон Жуан сделался его гением, мало того, его образом; он стал бить на таинственность, на мрачное и на колкости. Эта детская игра оставила неизгладимые следы в подвижном и впечатлительном воображении; вследствие того, что он представлял из себя Лара и Манфреда, он привык быть таким. В то время я его два раза видела на детских балах, на которых я прыгала и скакала, как

настоящая девочка, которую я и была, между тем как он, одних со мною лет, даже несколько моложе, занимался тем, что старался вскружить голову одной моей кузине, очень кокетливой; с ней, как говорится, шла у него двойная игра; я до сей поры помню странное впечатление, произведенное на меня этим бедным ребенком, загримированным в старика... Кузина поверяла мне свои тайны: она показывала мне стихи, которые Лермонтов писал ей в альбом; я находила их дурными, особенно потому, что они не были правдивыми...

Помню, один раз он, забавы ради, решил заместить богатого жениха, и когда все считали уже Лермонтова готовым занять его место, родители невесты вдруг получили анонимное письмо, в котором их уговаривали изгнать Лермонтова из своего дома и в котором описывались всякие о нем ужасы. Это письмо написал он сам и затем уже более в этот дом не являлся...

В начале 1841 года его бабушка, госпожа Арсеньева, выхлопотала ему разрешение приехать в Петербург для свидания с нею и получения последнего благословения; года и слабость понуждали ее спешить возложить руки на голову любимого дитища. Лермонтов прибыл в Петербург 7 или 8 февраля, и, горькою насмешкою судьбы, его родственница, госпожа Арсеньева, проживавшая в отдаленной губернии, не смогла с ним съехаться по причине дурного состояния дорог... Именно в это время я познакомилась лично с Лермонтовым, и двух дней было достаточно, чтобы связать нас дружбой; одним днем более, чем с вами, любезный Дюма, а потому не ревнуйте. Принадлежа к одному и тому же кругу, мы постоянно встречались и утром, и вечером; что нас окончательно сблизило, это мой рассказ об известных мне его юношеских проказах; мы вместе вдоволь над ними посмеялись и таким образом вдруг сошлись, как будто были знакомы с самого того времени. Три месяца, проведенные тогда Лермонтовым в столице, были, как я полагаю, самые счастливые и самые блестящие в его жизни. Отлично принятый в свете, любимый и балованный в кругу близких, он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам читать их вечером. Веселое расположение духа проснулось в нем опять в этой дружественной обстановке.

Отпуск его приходил к концу, а бабушка не ехала. Стали просить об отсрочках, в которых сначала было отказано, а потом они были взяты штурмом,

благодаря высокой протекции. Лермонтову очень не хотелось ехать, у него были всякого рода предчувствия. Наконец, около конца апреля или начале мая, мы собрались на прощальный ужин, чтобы пожелать ему доброго пути. Я одна из последних пожала ему руку. Мы ужинали втроем, за маленьким столом, он и еще другой друг, который тоже погиб насильственной смертью в последнюю войну. Во время всего ужина и на прощанье Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать и стала смеяться над его, казавшимися пустыми, предчувствиями, но они поневоле на меня влияли и сжимали сердце. Через два месяца они осуществились, и пушечный выстрел во второй раз похитил у России драгоценную жизнь.

«И много узнала, извела я...»

Во второй половине творческого пути Евдокия Ростопчина отреклась от радикальных взглядов. Она оставалась сторонником монархии. А время шло, усиливалось брожение умов в стране, старая плеяда поэтов ушла, а писатели-демократы видели в Ростопчиной острого на язык, но консервативного, монархически настроенного сатирика. Все острее ощущала она одиночество, видела себя белой вороной в свете, чужой даже среди бывших знакомых – посетителей ее литературного салона. Даже ее необыкновенная красота стала предметом насмешек. Лишь после смерти Ростопчиной исследователи нашли, что поэзия ее – чисто женская, сродни банальному, но очаровательному романсу, в котором запечатлены страдания тонкой души.

Ощущение полного одиночества и непонимания подтолкнет поэтессу к созданию «продолжения» истории Чацкого: в 1856 году Ростопчина напишет комедию «Возврат Чацкого в Москву, или встреча знакомых лиц после двадцатилетней разлуки». Все та же обстановка, те же лица, вновь ополчившиеся на столь отличного от них главного героя. Нетрудно догадаться, что «новый» Чацкий – сама Евдокия.

По стихам Ростопчиной можно проследить всю жизнь ее, как по дневнику, хотя она и тщательно скрывала имена адресатов своих стихов. На экземпляре «Стихотворений», поднесенном императрице Александре Федоровне, поэтесса писала: «Это не книга – это откровение, очень искреннее и очень женское...».

Евдокия имела блестящий успех на балах, сотни поклонников добивались ее любви или хотя бы одного благосклонного взгляда, но, судя по стихам,

на протяжении многих лет она берегла в сердце нежность к одному человеку. Возможно, это был светский лев князь Платон Мещерский, который усердно ухаживал за Евдокией до ее замужества, но формального предложения не делал. Додо будто бы хотела толкнуть Мещерского на решительные действия и на балу у генерал-губернатора сказала ему, что вынуждена будет выйти замуж за другого, на что князь ответил: «Стыдитесь, Додо, с какой целью вы мне это говорите?» А через несколько лет судьба снова свела их, и чувства вспыхнули с новой силой.

В 1846 году вышла книга стихов Ростопчиной, имеющих, несомненно, автобиографический смысл, под заглавием «Неизвестный роман». В предисловии говорится, что цикл составляют стихи молодой женщины, недавно умершей. «Она выезжала охотно, наряжалась и танцевала, как и все мы грешные. Но если, бывало, застанешь ее врасплох, то найдешь ее всегда унылою и бледною... Говорили, правда, что у нее какое-то горе, прежняя любовь; рассказывали, что она когда-то была помолвлена и дело разошлось, что потом она встретила с прежним женихом и что любовь их возобновилась и продолжалась несколько лет... Говорили, что ее убивает горе разлуки... Да кто ж бы этому поверил при ее роскоши и довольстве?..»

«Если сопоставить с этими словами содержание автобиографического романа «Счастливая женщина» и намеки на какую-то позднюю встречу в некоторых стихах, то в связи с посвящением «Неизвестного романа» – таинственными инициалами К.П. И.М. – хочется предположить, что все дело здесь в князе Платоне Мещерском», – пишет Владислав Ходасевич. И далее: «Может быть, о нем эти слова:

*Тебе воздвигнут храм сердечный,
Но мильм именем твоим
Не блещет он: под тайной вечной
Ты будешь в нем боготворим.*

Может быть, всю жизнь в сердце «ветреной женщины» жила одна неизменная любовь? Может быть, все любовные стихи ее, все признания, все печали – о нем одном?»

Может быть... Подумать только: княгиня, светская львица, признанная красавица, окруженная многочисленными поклонниками, одна из самых богатых женщин России – всю жизнь искала душевного пристанища в метафоре и рифме!

Так была ли она счастлива, эта «счастливая женщина»?

*Альбина Гарина,
Ольга Шейнак*